СМОТРИТЕЛЬ

КОГДА ЗАБЫВАЕШЬ ВСПОМНИТЬ

Александр ВАСИЛЕВСКИЙ

Александр Василевский

Смотритель. Когда забываешь вспомнить

«Автор»
2026

Василевский А.

Смотритель. Когда забываешь вспомнить / А. Василевский — «Автор», 2026

Шов закрыт, но работа никуда не делась. Александр и Лили вновь наткнулись на то, с чем не сталкивались прежде. Они находят в стене павильона дверь, которая ведёт в прошлое - на старую Комаровку, где он становится невидимым свидетелем. Одно неосторожное движение запускает цепочку непредсказуемых ни для кого событий. Теперь Александр понимает: дверь не только показывает прошлое, но и делает необъяснимые ни для кого вещи. Куратор предлагает ему стать исправлять то, что «не должно было случиться», но цена каждого входа растёт. Лили же держит его за руку, пока он учится жить с грузом последствий. Эта история о памяти, вине и искуплении, где герой должен решить: стоит ли играть в бога, если каждый шаг стирает часть тебя самого.

© Василевский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Оммаж. Ночной троллейбус 5
Глава 1. Приглашение 7
Глава 2. Правила 10
Глава 3. Куратор узнаёт 13
Глава 4. Прошлое семьи 16
Глава 5. Лили входит 19
Глава 6. Сделка с куратором 22
Глава 7. Потеря 26
Глава 8. Куратор давит 29
Глава 9. Правда о двери 32
Глава 10. Выбор 34
Глава 11. Дверь 37
Глава 12. Два блокнота 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Александр Василевский
Смотритель. Когда забываешь вспомнить

Оммаж. Ночной троллейбус

За несколько лет до описываемых событий

***

Они шли по проспекту, и Минск был пуст, как офис в воскресенье.

Александр не любил ночные прогулки. Ночью город переставал быть списком адресов и становился чем-то другим - дыханием, шорохом, чужим присутствием за углом. Но Лили шла рядом. Это было единственное возражение, которое он не сумел снять: её молчание.

- Ты всегда так ходишь, - сказала она, не поворачивая головы. - Как будто тебе выставили счёт за воздух.

- Привычка, - ответил он. - В моей профессии полезно.

- В твоей профессии полезно быть мёртвым.

Он не ответил. Огненно-рыжие волосы Лили в свете фонарей казались тёмным пламенем - не ярким, а, скорее, тлеющим. Она шла быстро, как человек, который знает, куда идёт, и не хочет, чтобы его догнали.

На остановке у старого универмага стоял троллейбус.

Он был пуст. Не «почти пуст» - пуст совсем, без водителя, без кондуктора, с открытыми дверями и тёмными окнами. Номер на борту - 545 - был написан выцветшей краской, как будто его нанесли ещё при другой стране.

Александр остановился.

- Это не по расписанию, - сказал он.

- Здесь вообще нет расписания, - возразила Лили. - Ты просто не смотришь.

Он посмотрел. В кромешной темноте за стеклом - если приглядеться, если перестать быть менеджером и стать смотрителем - сидели люди. Не силуэты. Люди. Они сидели ровно, лицом вперёд, руки на коленях, и не двигались. Ни один. Ни на йоту.

- Возражение, - сказал Александр тихо. - Принято.

- Не смей, - прошипела Лили. - Не смей превращать это в сделку.

- А что мне с этим делать? - спросил он. - Петь? Плакать? У меня нет пункта для этого в блокноте.

Она повернулась к нему. В её глазах не было ни тепла, ни злости - только усталость человека, который слишком долго ждал, чтобы кто-то перестал быть глухим.

- Тогда придумай, - сказала она. - Или отойди.

Двери троллейбуса стояли открытыми. Внутри пахло не гарью и не пылью - пахло чем-то старым и забытым - как книжная пыль. Александр сделал шаг к подножке.

- Ты не должен туда заходить, - прошептала Лили.

- Знаю.

- Ты всё равно зайдёшь.

- Знаю.

Он поднялся по ступеньке. Внутри было темно так, что темнота казалась плотной, как вода. Люди сидели неподвижно. Один из них - старик у окна, в пальто не по погоде - медленно повернул голову и посмотрел на Александра. Взгляд был не пустой. Взгляд был усталый. Так смотрят люди, которые слишком долго едут и уже не помнят, куда.

- Простите, - сказал Александр, и голос его прозвучал странно - без тона продажника, без старомодной вежливости. Просто голос. - Вы не изволите знать, куда следует этот троллейбус?

Старик молчал. Потом разлепил губы - сухие, серые - и ответил:

- Туда же, куда и все. Просто вы ещё не сели.

Александр стоял в проходе и смотрел на людей. На их лица. На их руки. На то, как они держатся за поручни, будто боятся упасть - или боятся, что их отпустят.

Он вышел.

Двери закрылись за его спиной мягко, без стука. Троллейбус тронулся - бесшумно, как будто его толкнули сзади, - и уехал в темноту проспекта, оставив после себя только тишину ночного города.

Лили стояла на остановке и смотрела на него.

- Ну? - кивнула она.

- Там люди, - сказал Александр. - Они куда-то едут и не могут выйти.

- Я знаю, - подтвердила она. - Я их вижу каждую ночь, уже три года.

Он посмотрел на неё. Впервые за всю ночь - по-настоящему посмотрел.

- Ты не сказала.

- А ты не спрашивал, - грустно ответила она. - Ты вообще никогда не спрашивал, что я вижу. Ты спрашивал только, что я могу сделать для тебя, для сделки, для списка, по сути, даже для галочки.

- Лили...

- Нет, - сказала она. - Не сейчас. Сейчас мы просто шли, и ты наконец увидел. Это уже больше, чем я ждала.

Она пошла дальше - к следующему фонарю, к следующему перекрёстку, в темноту, которая не отвечала. Александр постоял секунду, глядя на пустую остановку, на выцветший номер 545, который больше не висел ни на каком троллейбусе.

Потом пошёл за ней.

Глава 1. Приглашение

Наши дни, сразу после событий первой части

***

Дверь стояла в стене павильона три недели.

Александр приходил к ней каждую субботу - просто смотрел, долго, внимательно, пристально - но не открывал. Ключ в кармане был как всегда тёплый. Лили приходила с ним, не каждый раз, но часто стояла рядом, смотрела на дверь и тоже просто молчала.

- Ты боишься, - сказала она в третью субботу.

- Боюсь, - сказал он. - Правда, не двери, а скорее, того, что за ней.

- А что за ней?

- Не знаю. - Он помолчал. - Поэтому и боюсь.

Девушка посмотрела на собеседника и сказала:

- Я буду держать снаружи, как тогда, а ты просто войдёшь и сразу выйдешь. Просто посмотришь, всего один раз.

Он кивнул.

***

Вошёл он в четверг - не в субботу, как планировал. Не потому что решился. Потому что не мог больше ждать. Ожидание было хуже страха: оно грызло изнутри, ровно, методично, как зубная боль. Лили же в это время была в мастерской. Он не позвонил, знал, что она скажет, что попросит подождать. А он не хотел ждать. Хотел сделать.

Это было старое, выгоревшее, продажное: не жди, действуй, закрывай сделку.

Ключ вошёл в замок легко, без сопротивления, словно ждал. Александр повернул ручку, и дверь открылась внутрь.

***

За дверью был свет.

Не яркий - серый, ровный, как в пасмурный день. Александр шагнул - и оказался на Комаровке.

Не на той Комаровке, которую он знал. Брусчатка была новее, павильоны - деревянные, с вывесками, написанными от руки. Пахло не шаурмой и мокрым асфальтом, а хлебом, рыбой и чем-то ещё - тёплым, живым.

Люди ходили мимо. Много людей. Женщины в платках, мужчины в куртках, дети с санками, но никто из них не смотрел на него. Александр поднял руку, помахал перед лицом проходящего мужчины. Тот не отреагировал. Прошёл сквозь - нет, мимо, но так, будто его не было.

Он посмотрел на свои руки. Они были на месте, но его никто не видел.

«Тебя никто там не видит, - сказала бы Лили. - Но ты можешь влиять».

Он сделал шаг, потом ещё один. Брусчатка под ногами была твёрдая, настоящая. Он прошёл мимо павильона с рыбой, мимо женщины с ребёнком, мимо старика с тележкой. Никто не обернулся.

И тогда он понял, что это за место. Не «прошлое Комаровки» вообще. Его прошлое. То, которое связано с ним. С семьёй. Со швом.

Он пошёл вглубь рынка.

***

У одного из павильонов стояла женщина, молодая - лет двадцати пяти, не больше. Темноволосые волосы собраны в хвост, руки в карманах куртки. Она смотрела на прилавок с посудой.

Александр остановился.

Он узнал её сразу. Не по лицу - по осанке. По тому, как она стояла: ровно, чуть отстранённо, будто всё вокруг было чуть менее важным, чем она.

Мама. Молодая. До того, как стала «коркой». До того, как ушёл отец. До всего.

Он стоял и смотрел на неё. Она была живая. Что-то говорила продавцу - он не слышал, звук здесь был глухой, будто через вату.

Он сделал шаг вперёд, потом ещё. Хотел подойти ближе. Хотел сказать.

И задел локтем статуэтку на краю прилавка.

Статуэтка - маленькая, фарфоровая, женщина с корзиной - покачнулась. Александр дёрнулся поймать - рука прошла сквозь. Статуэтка упала.

Звук был глухой, как всё здесь, но отчётливый. Фарфор разлетелся на осколки. Белые, острые, они рассыпались по брусчатке у прилавка.

Мать обернулась на звук и посмотрела на осколки. Пожала плечами - не её дело - и пошла дальше.

Александр стоял, глядя на осколки. Потом на мать. Потом снова на осколки.

«Ты можешь влиять».

Он уже повлиял.

***

Человек появился через минуту.

Мужчина лет пятидесяти, в тяжёлом тулупе, с ящиком на плече. Он шёл быстро, смотрел под ноги - но не туда, где были осколки. Он смотрел на прилавок, на продавца, что-то кричал.

Он наступил на осколок.

Александр увидел, как всё происходит - медленно, как в кино. Мужчина поскользнулся. Ящик полетел в сторону. Мужчина упал - неудачно, на бок, - и его рука попала прямо на россыпь острых фарфоровых черепков.

Он вскрикнул, потом сел и посмотрел на руку.

Кровь пошла сразу - обильно, тёмная, густая. Она заливала рукав тулупа, капала на брусчатку. Мужчина попытался встать, но ноги не слушались. Он снова сел. Потом лёг.

Вокруг собрались люди. Кто-то кричал. Кто-то побежал за врачом. Продавец с прилавка выскочил, схватил мужчину за плечи, что-то говорил.

Александр стоял в двух шагах и смотрел.

Он не мог ничего сделать. Не мог подойти - его не видели. Не мог помочь - руки прошли бы сквозь. Не мог крикнуть - его не слышали.

Он просто стоял и смотрел, как человек умирает от кровопотери на брусчатке старой Комаровки, потому что он, Александр Рыжиков, задел локтем статуэтку.

***

Он вышел из двери через минуту, или через час. Он не знал.

Дверь закрылась за спиной с тихим щелчком. Он стоял в стене павильона, в настоящем, в марте, в Минске. Руки дрожали.

Он достал телефон и позвонил.

- Лили, - сказал он не своим голосом. - Я вошёл.

Пауза.

- Ты что? - Её голос был резкий. - Один? Без меня?

- Один.

- Саш, ты...

- Я убил человека, - выдохнул он.

Тишина была долгой.

- Что? - сказала она тихо.

- Я задел статуэтку. Она разбилась. Он упал на осколки. Истёк кровью. - Он помолчал. - Я стоял и смотрел. Я ничего не мог сделать.

Тишина.

- Где ты? - спросила она наконец.

- У двери, все там же.

- Не уходи. Я бегу.

Положила трубку.

Александр сел на брусчатку - прямо там, у стены, - и закрыл лицо руками. Мимо шли люди. Никто не смотрел. Минск умеет не смотреть.

***

Лили прибежала настолько быстро, насколько смогла. Он всё ещё сидел.

Она подошла, села рядом. Не обняла, не сказала ничего. Просто села.

- Расскажи, - сказала она через минуту.

Он рассказал всё. Про Комаровку, про мать, про статуэтку, про осколки, про человека. Про то, как стоял и смотрел.

Лили слушала молча. Потом сказала:

- Ты не убивал.

- Я задел статуэтку.

- Ты не знал.

- Я задел статуэтку, - повторил он. - Она разбилась. Он умер. Это цепочка. Я - первое звено.

- Это цепочка, - согласилась она. - Но ты не знал, что она приведёт к смерти. Ты не хотел.

- Я хотел влиять, - сказал он. - Я вошёл, чтобы влиять. И повлиял.

Она помолчала.

- Да, - сказала она. - Это цена. Ты не можешь влиять, не влияя. - Она посмотрела на него. - Ты не бог, Саша. Ты призрак. Призраки тоже оставляют следы.

Он опустил голову.

- Я не пойду туда больше, - тихо сказал он.

- Пойдёшь, - сказала она. - Рано или поздно. Потому что дверь не просто так появилась. И потому что ты не сможешь не узнать, что за ней.

Он посмотрел на неё.

- Ты жестокая.

- Я честная, - сказала она. - Это разные вещи. - Она встала и протянула руку. - Пойдём. Тебе надо выпить чаю, ну, или чего покрепче.

Он взял её руку и поднялся.

Они пошли. Дверь осталась за спиной - белая, деревянная, с латунной ручкой. Она была закрыта.

Но Александр чувствовал: она не заперта. Она ждёт.

***

Дома он налил себе виски, первый раз за три месяца. Не потому что хотел забыть - потому что помнил слишком ясно. Брусчатку, кровь, лицо человека.

Лили сидела напротив, пила чай и просто была рядом.

- Саш, - сказала она.

- Да?

- Что ты помнишь? - спросила она. - Из того, что было до двери, до того, как вошёл.

Он посмотрел на неё.

- Всё, - сказал он. - А что?

- Просто проверяю, - сказала она. - На всякий случай.

Он не понял. Тогда - не понял.

Глава 2. Правила

Утром он не помнил, о чём говорил с куратором.

Это обнаружилось так: Александр пил кофе на кухне, листал телефон - и наткнулся на сообщение от куратора, отправленное неделю назад: «Жду вас в четверг, в кафе на проспекте. Вопрос касается двери».

Он посмотрел на сообщение. Потом на дату - четверг был, он был в кафе. Он помнил кафе - столик у окна, остывший кофе, снег за стеклом. Помнил, как сидел лицом к двери. Помнил даже чашку куратора - недопитую, на подставке.

Но о чём они говорили - не помнил.

Он попытался вспомнить. Напрягся - и ничего. Как будто в голове была страница, вырванная аккуратно, без следов. Не дыра, не провал в памяти - слишком гладко. Как будто там ничего и не было.

Он позвонил Лили.

- Что случилось? - спросила она сонным голосом.

- Я не помню, - сказал он. - Разговор с куратором, который в четверг был. Я помню, что этот разговор был, но о чём - не помню.

Пауза была долгой.

- Совсем не помнишь?

- Совсем. - Он помолчал. - Лили, это после двери. Я вошёл - и что-то вытащил оттуда. Или что-то потащило у меня.

- Приезжай, - сказала она. - Сейчас.

***

Мастерская Лили была маленькая - комната в старом доме недалеко от Комаровки, с одним окном во двор. У окна стояла швейная машинка - старая, чёрная, с золотым тиснением, накрытая куском ткани. Вдоль стен - полки с нитками, тканями, коробками, а на столе - чашки, ножницы и мел.

Александр сел на стул, а Лили - напротив него, на табурет.

- Расскажи ещё раз, - сказала она. - Всё, с самого начала.

Он рассказал про дверь. Про Комаровку, про мать, про статуэтку, про погибшего человека. Про то, как вышел.

- А теперь, - сказала Лили, - скажи мне, что ты помнишь о кураторе. Вообще, в целом.

Он подумал.

- Он вызвал меня в кафе, в четверг, а потом всё. Дальше - гладко.

- Он говорил про дверь?

- В сообщении - да. Но что именно - не помню.

Лили встала, подошла к полке, достала свой блокнот и открыла.

- Я записываю, - твёрдо сказала она. - Всё, что мы знаем. Раз ты теперь забываешь, кто-то должен помнить за тебя.

Она села обратно, открыла чистую страницу и взяла ручку.

- Правило первое, - сказала она. - Вход забирает память. Не всё сразу, лишь кусочек, правда какой именно - пока непонятно. Но это однозначно связано с дверью. Ты вошёл - и забыл разговор с куратором. Разговор был до двери, но про дверь, значит, забирает то, что связано.

- Или то, что важнее, - дополнил Александр. - Куратор - это угроза. Может, дверь забирает то, что помогает выжить.

Лили посмотрела на него.

- Мрачно, - сказала она. - Но логично, записываю.

Она что-то черкнула.

- Правило второе, - сказала она. - Ты можешь влиять. Ты задел статуэтку - она разбилась, значит, физически ты там есть. Не призрак в смысле «прохожу сквозь стены», скорее, призрак в смысле «меня не видят».

- Но рука прошла сквозь, - сказал он. - Когда я пытался поймать.

- Прошла сквозь статуэтку? Или сквозь людей?

Он задумался.

- Сквозь статуэтку, - сказал он медленно. - Я пытался поймать её - рука прошла. А потом она упала. Как будто... - он поискал слово, - ...как будто я задел, но не удержал.

- Как сквозняк, - уточнила Лили. - Ты не можешь взять предмет, но можешь его сдвинуть, толкнуть, уронить.

- Да.

Она записала.

- Правило третье, - сказала она. - Ты не можешь помочь. Ты стоял и смотрел, как человек умирает. Не мог ни крикнуть, ни подойти. Значит, вмешательство ограничено - ты можешь двигать, но не можешь спасать.

- Пока, - протянул Александр.

- Что «пока»?

- Пока не знаю как, - сказал он. - Может, можно научиться, может, есть способ.

Лили посмотрела на него долго.

- Саш, - сказала она. - Ты только что сказал, что не пойдёшь туда больше.

- Я сказал это вчера. Вчера я убил человека. Сегодня я хочу понять, как это работает. - Он помолчал. - Разница есть.

- Разница есть, - согласилась она. - Но осторожность - тоже разница. Не лезь сломя голову.

Он кивнул.

- Правило четвёртое, - сказала Лили. - Свидетель. - Она подняла глаза. - В прошлый раз я не была снаружи, ты вошёл один, и потерял память. Может, если я буду держать - не потеряешь, ну или потеряешь меньше.

- Проверим?

- Проверим, - сказала она. - Но не сегодня - сегодня ты отдыхаешь. Ты бледный как стена.

Он усмехнулся - впервые за два дня.

- Ты говоришь со мной как с ребёнком.

- Я говорю с тобой как с человеком, который вчера видел смерть, - грустно сказала она. - Это разные вещи.

***

Он остался у неё на обед - она сварила суп - простой, с картошкой и луком. Он ел молча. Она тоже молчала.

Потом сказала:

- Саша.

- Да?

- В прошлом - ты видел мать.

Он опустил ложку.

- Видел.

- Какая она была?

Он подумал и сказал:

- Молодая, красивая. Она стояла у прилавка с посудой и смотрела на статуэтки. - Он помолчал. - Я не успел её разглядеть, я же задел статуэтку, и всё пошло-поехало.

- Ты хочешь вернуться, - сказала Лили утвердительно.

- Хочу, - согласился он. - Но не знаю, зачем. Посмотреть? Поговорить? Она меня не увидит.

- Может, и не надо говорить, - сказала Лили. - Может, достаточно посмотреть.

Он посмотрел на неё.

- Ты правда думаешь, что я вернусь?

- Я думаю, - сказала она, - что ты не сможешь иначе. - Она встала и убрала тарелки. - Но в следующий раз - со мной снаружи - я буду держать.

- Договорились, - сказал он.

***

Вечером он пошёл домой, и по дороге зазвонил телефон.

Александр посмотрел на номер и ответил.

- Александр Сергеевич, - голос был сухой, чиновничий. - Вы получили моё сообщение?

- Получил.

- И?

Пауза.

- Я не помню, о чём мы говорили в четверг, - сказал Александр честно.

Тишина на другом конце была долгой.

- Интересно, - сказал куратор. - Я тоже не помню.

Александр остановился посреди улицы.

- Что?

- Я помню, что встреча была, помню, что говорил с вами. Не помню, о чём. Я списал это на усталость, но теперь вижу, что дело не в этом. Это не усталость.

- Что это? - спросил Александр.

- Не знаю, - ответил куратор. - Но мне это не нравится. Александр Сергеевич, у двери есть свойство - она забирает, и не только у вас. У всех, кто с ней связан. - Он помолчал. - Будьте осторожны и не входите без свидетеля. Это не совет. Это предупреждение.

Положил трубку.

Александр стоял на улице с телефоном в руке. Шёл снег - мокрый, мартовский, тот, который уже не снег.

«У двери есть свойство. Она забирает».

Он посмотрел на телефон. Потом на небо.

В кармане ключ был тёплый, как всегда.

Глава 3. Куратор узнаёт

Куратор назначил встречу снова - в том же кафе, за тем же столиком. Александр пришёл раньше и сел лицом к двери. Заказал чай, но не пил.

Куратор пришёл ровно в срок, вошел в кафе и сразу сел напротив, посмотрев на Александра внимательно - иначе, чем в прошлый раз. В прошлый раз он смотрел как на функцию. Теперь - как на проблему.

- Александр Сергеевич, - произнёс он. - Вы были у двери.

- Был.

- И?

- И ничего хорошего, - сказал Александр.

Куратор кивнул и сделал глоток.

- Рассказывайте.

Александр рассказал. Не всё - про мать, про статуэтку, про смерть. Но достаточно: дверь ведёт в прошлое, он невидим, он может влиять, вход забирает память.

Куратор слушал молча. Когда Александр закончил, он поставил чашку точно на подставку и сказал:

- Я знал.

Александр посмотрел на него.

- Что именно?

- Что дверь ведёт в прошлое. - Куратор помолчал. - Правда, не знал деталей, знал лишь принцип. Дверь - это аномалия, которая появилась, когда шов зашили. Рана закрылась - но не заросла, остался след, наподобие шрама. И этот след - вход.

- Вы знали, - сказал Александр медленно, - и не сказали мне.

- Я сказал бы, если бы вы спросили. - Куратор смотрел на него без выражения. - Вы не спросили. Вы вообще мало спрашиваете, Александр Сергеевич, вы делаете. Это ваша сила, и ваша проблема одновременно.

Александр промолчал.

- Я предлагаю сделку, - сказал куратор.

- Какую?

- Вы входите. Я говорю вам, что именно править, и вы правите. - Куратор подался вперёд. - Не ради меня. Ради города, ради людей, которые не знают, что живут над швом. Прошлое можно исправить, не всё, конечно. Но многое. Смерть, которую вы видели, - её можно предотвратить. Не в этот раз - в другой. Есть вещи, которые случились и не должны были случиться.

- Например?

Куратор помолчал, и потом вкрадчиво сказал:

- Например, Татьяна Ивановна. Бабушка вашей Лили. Она умерла три года назад, от болезни. Её можно было спасти - если бы кто-то вовремя понял, что с ней. - Пауза. - Дверь это может. Не болезнь вылечить - подтолкнуть события, чтобы кто-то заметил. Чтобы врач пришёл раньше.

Александр смотрел на него.

- Вы предлагаете мне играть в бога.

- Я предлагаю вам быть смотрителем, - сказал куратор. - Настоящим. Не сторожем, который ставит галочки. Смотритель - это тот, кто смотрит, кто видит, что можно исправить, и исправляет. - Он откинулся назад. - Разве это плохо?

Александр молчал. За соседним столиком женщина кормила ребёнка. Студент печатал. Обычная жизнь.

- А цена? - спросил он.

- Цена - память, - после долгой паузы ответил куратор. - Вы уже знаете. Каждый вход что-то забирает. - Он помолчал. - Но это можно пережить, порой люди живут с куда меньшим.

- Вы живёте с этим? - спросил Александр. - Вы входили?

Куратор посмотрел на него долго.

- Нет, - сказал он. - Я не смотритель. Я - тот, кто нанимает смотрителей. Я не вхожу. Я указываю.

- Удобно.

- Удобно, - согласился куратор без тени иронии. - Кто-то должен указывать, иначе будет хаос.

Александр встал.

- Я подумаю.

- Думайте, - сказал куратор. - Но недолго. - Он тоже встал. - У двери есть срок, Александр Сергеевич. Она не вечна. Если её не использовать - она уйдёт. Или её уберут. - Пауза. - А если её уберут, то уберут вместе с теми, кто знает, если вы понимаете, о чём я.

- Понимаю, - сказал Александр.

- Вот и хорошо, - сказал куратор. - Позвоните, когда решите.

Он пошёл к выходу, но у двери остановился и обернулся.

- И ещё. Вы сказали, что не помните наш прошлый разговор. - Он помолчал. - Я тоже не помню. Но я помню вывод, который тогда сделал. Вывод был прост: вы опасны, в первую очередь, для системы. - Пауза. - Я пока не знаю почему, но это так.

Дверь закрылась.

***

Александр сидел в кафе ещё двадцать минут, наконец, допив чай, вышел на улицу. Шёл снег.

Он думал о Татьяне, о Лили, о том, что можно было бы - если бы кто-то вовремя заметил. Если бы врач пришёл раньше.

Он думал о матери, о том, что она умирала одна, о том, что можно было бы - если бы он приехал раньше, если бы кто-то подтолкнул его.

«Прошлое можно исправить».

Он достал телефон и позвонил Лили.

- Я поговорил с куратором, - сказал он.

- И?

- Он предлагает сделку: я вхожу, он указывает, и вместе мы правим прошлое.

Тишина.

- Ты согласился? - спросила она.

- Я думаю.

- Саша. - Голос был ровный, но напряжённый. - Ты помнишь, что случилось, когда ты просто задел статуэтку? Человек умер. А если ты будешь править намеренно?

- Я буду осторожен.

- Ты не можешь быть осторожен, - сказала она. - Ты не знаешь правил. Никто не знает. Это же не сделка, скорее, это игра без правил.

- Он предложил спасти твою бабушку, - прошептал Александр.

Тишина была долгой.

- Что? - сказала Лили тихо.

- Татьяну. Он сказал, что можно подтолкнуть события, чтобы врач пришёл раньше. Чтобы она выжила.

Пауза.

- Саш, - сказала Лили. - Это манипуляция. Он знает, что это твоя слабость. Он знает, что ты захочешь исправить. Он играет на тебе.

- А если он прав? - спросил Александр. - Если это возможно?

- Тогда это возможно без него, - ответила она. - Ты смотритель. Я свидетель. Мы можем сами, без куратора и его указаний.

Александр молчал.

- Саш, - сказала она. - Не надо, не сейчас. Приезжай, пожалуйста, и мы поговорим.

- Хорошо, - сказал он. - Уже еду.

***

В мастерской было тепло - пахло нитками и чаем. Лили сидела у машинки, что-то шила.

- Садись, - сказала она.

Он сел на кресло, закинул ногу на ногу и откинулся, закрыв глаза, но сразу выровнялся, запустив ладонь в волосы.

- Я не соглашусь, - сообщил он.

Лили посмотрела на него.

- Почему?

- Потому что он играет, - сказал Александр. - Ты права, он знает про Татьяну. Он знает, что я захочу исправить. Он просто давит. - Он помолчал. - А я больше не хочу, чтобы на меня давили.

Лили отложила шитьё.

- Хорошо, - сказала она. - А что ты хочешь?

Он посмотрел на неё.

- Я хочу понять, - тихо сказал он. - Что за дверь, почему она появилась, что за ней. И... - он запнулся. - Я хочу войти с тобой, как ты сказала. Чтобы проверить - потеряю ли я память, если ты будешь держать.

Лили молчала. Потом сказала:

- Когда?

- Завтра ночью. - Он помолчал. - Но не для того, чтобы править. Просто посмотреть и понять.

- Хорошо, - твёрдо сказала она. - Завтра.

Она встала, подошла к нему, и посмотрела сверху вниз.

- Саш.

- Да?

- Если ты потеряешь память - я буду помнить за тебя. Что было, кто ты. - Она помолчала. - Я не дам тебе потеряться.

Он поднял на неё взгляд:

- Спасибо.

- Не благодари, - прошептала она. - Пока не за что.

Но в голосе было что-то тёплое, что-то, чего не было раньше.

Глава 4. Прошлое семьи

Они пришли к двери в полночь.

Комаровка спала. Павильоны стояли тёмные, брусчатка блестела от недавнего дождя. Дверь была на месте - деревянная, с латунной ручкой, - и в темноте казалась старше, чем днём.

Лили стояла рядом. В куртке, с рюкзаком, с фонарём - хотя фонарь был не нужен. Она держала его на всякий случай.

- Помнишь правила? - спросила она.

- Помню, - ответил Александр. - Не задевать ничего, не пытаться помочь. Просто смотреть.

- И?

- И помнить, что я невидим.

- Хорошо, - сказала Лили. - Я буду держать снаружи. - Она взяла его за руку, её ладонь была тёплая и сухая. - Если почувствую, что ты теряешься - вытащу, и даже не спорь.

- Не буду.

Он достал ключ, вставил в замок и повернул.

Дверь открылась.

***

Свет был тот же - серый, ровный, пасмурный. Александр шагнул - и оказался на Комаровке.

Лили осталась за порогом. Он чувствовал её руку - не физически, иначе. Как якорь. Как нить, которая тянется сквозь дверь.

Он пошёл вглубь рынка.

На этот раз он был осторожнее - смотрел под ноги, не приближался к прилавкам и держался середины. Комаровка была другая - не та, что в первый раз. Люди были одеты иначе, павильоны стояли по-другому. Он не знал, какой это год. Не знал, как это определить. Он просто шёл и смотрел.

***

Мать он нашёл у павильона с тканями.

Она была моложе, чем в прошлый раз - лет двадцати двух, не больше. Волосы распущены, куртка расстёгнута. Она разговаривала с женщиной за прилавком - что-то выбирала, трогала ткань пальцами.

Александр остановился в трёх шагах. Ближе не подходил.

Он смотрел на неё. На то, как она улыбается - легко, без напряжения. На то, как она заправляет волосы за ухо. На то, как она живёт.

Он не знал её такой. Он знал её усталой, молчаливой, с плотно сжатыми губами. Он знал её «коркой» - как он сам. А она жила до этого всего, именно жила. До отца. До шва. До всего. Он стоял и смотрел, и внутри что-то болело - ровно, тёпло, знакомо.

***

Потом он увидел отца.

Мужчина подошёл к матери сзади - высокий, в пальто, с портфелем. Он что-то сказал - Александр не слышал, - и мать обернулась и улыбнулась, поцеловав его в щёку.

Александр смотрел.

Он не знал отца, ведь тот ушёл, когда Александру было пять. Осталось только смутное воспоминание - запах табака, тяжёлая рука на голове, - и всё. Мать никогда о нём не говорила, ни плохо, ни хорошо.

А теперь он стоял в трёх шагах и смотрел, как отец обнимает мать. Как они смеются, как они вместе.

Он сделал шаг вперёд, потом ещё один.

Он не собирался ничего делать, а просто хотел подойти ближе, хотел разглядеть лицо. Хотел понять, что в этом человеке было такого, из-за чего мать потом стала коркой.

Он подошёл на два шага и остановился.

Отец обернулся.

Не на него. Просто обернулся - посмотреть на что-то за спиной. Но его взгляд прошёл сквозь Александра, и на секунду ему показалось, что отец его видит.

Нет, не видит. Просто чувствует, как сквозняк.

Отец нахмурился. Потом пожал плечами и снова повернулся к матери.

Молодой человек отступил.

***

Он пошёл дальше, вглубь рынка. Мимо павильонов, мимо людей. Он не знал, что ищет. Может, прабабку, а быть может, кого-то ещё. Вокруг была дымка и туман, который не мешал видеть, что вокруг тебя, но не давал ни малейшей возможности посмотреть хоть немного дальше.

Он нашёл её у старого склада. Она была старая - лет семидесяти, не меньше. Седые волосы, платок, тяжёлые руки. Она сидела на ящике и что-то чинила - вязала или штопала, он не разглядел.

Рядом с ней стояла девочка - лет десяти, темноволосая, худая. Смотрела на пожилую женщину внимательно, слушала.

Мать. Маленькая.

Александр стоял и смотрел, как женщина что-то говорит девочке. Та кивала. Он не знал, о чём они говорят, но чувствовал: это передача. Прабабушка передаёт матери то, что потом мать не передаст ему. Или передаст - но не всё.

Он стоял и смотрел, как упущенное время течёт мимо.

***

Потом прабабка подняла голову.

Она смотрела прямо на него.

Александр замер. Не потому что испугался - потому что она видела. Не как отец, не «чувствовала». Она видела его, глаза в глаза.

Пожилая женщина отложила шитьё и встала. Подошла к нему - медленно, тяжело, опираясь на палку.

Остановилась в шаге.

- Ты кто? - спросила она. Голос был хриплый, но ясный.

Александр не мог ответить. Голос не шёл.

- Ты из будущего, - протянула женщина дребезжащим голосом. - Я таких видела, давно, правда. - Она посмотрела на него внимательно. - Ты наш.

Александр кивнул.

Прабабка усмехнулась - коротко, без радости.

- Значит, шов зашили, и рана открылась. - Она помолчала. - Ты пришёл посмотреть или исправить?

Он открыл рот. Голос вернулся - хриплый, чужой.

- Посмотреть.

- Смотри, - сказала прабабка. - Только не трогай, здесь всё хрупкое. Одно движение - и не будет ни тебя, ни меня.

Она повернулась, пошла обратно к ящику, снова села и взяла шитьё.

- Иди, - сказала она, не глядя. - Тебе нельзя долго, ты уже бледный.

Александр посмотрел на неё. Потом на маленькую мать, и, наконец, развернулся и пошёл к двери.

***

Он вышел. Лили держала его за руку - крепко, до боли.

- Ты как? - спросила она.

- Нормально, - сказал он. Голос был хриплый.

- Ты бледный.

- Знаю.

Она посмотрела на него.

- Что ты видел?

Он помолчал, после чего медленно сказал:

- Мать и отца. А еще свою прабабушку, и она меня тоже видела.

Лили замерла.

- Видела?

- Да. - Он посмотрел на неё. - Она знала, кто я. Сказала: «Ты из будущего. Ты наш». - Он помолчал. - И сказала: «Не трогай, здесь всё хрупкое».

Лили молчала.

- Что это значит? - спросила она наконец.

- Не знаю, - сказал Александр. - Но, кажется, она знала больше, чем написала в тетради.

***

Они пошли домой. По дороге молодой человек и его спутница молчали.

У её мастерской она остановилась.

- Саша.

- Да?

- Ты помнишь, о чём мы говорили вчера? - спросила она.

Он подумал.

- Помню. Ты сказала, что будешь помнить за меня.

- Хорошо, - сказала она. - А что ты помнишь о кураторе?

Он подумал снова.

- Он предлагал сделку, - сказал он медленно. - Править прошлое. А что именно он предлагал - не помню.

Лили смотрела на него долго.

- Ладно, - сказала она. - Записываю.

Она открыла дверь мастерской.

- Заходи, попьем чаю и спать. Завтра поговорим.

Он вошёл.

Глава 5. Лили входит

Она сказала это на следующее утро, за чаем.

- Я пойду с тобой.

Александр посмотрел на неё.

- Внутрь?

- Внутрь. - Лили держала чашку двумя руками, смотрела в неё. - Я держала снаружи два раза. Ты выходил бледный, с провалом в памяти. - Она подняла глаза. - Снаружи я не могу тебе помочь. Я могу только вытащить. А что происходит внутри я не вижу, и не знаю, что с тобой происходит. Я не знаю, когда именно вытаскивать.

- Правила говорят: свидетель - снаружи.

- Правила говорят: свидетель держит руку, - возразила Лили. - Не «стоит за дверью». Держать можно и изнутри.

Александр молчал.

- Саш, - твёрдо сказала она. - Я швея и знаю, как это работает. Рана, которую лечат в одиночку, гноится. Я тебе это не говорила - бабушка говорила. Я должна быть рядом. Там. Не здесь.

- А если ты потеряешься?

- Тогда ты меня вытащишь, - сказала она. - Ты смотритель, ты умеешь.

Он усмехнулся - невесело.

- Я ничего не умею.

- Умеешь, - улыбнулась Лили. - Ты просто боишься.

***

Они вошли в полдень, не ночью - днём, при свете. Александр решил: если что-то пойдёт не так, будет проще.

Ключ повернулся и дверь открылась.

Они шагнули вдвоём.

Комаровка была та же - серый свет, пасмурное небо, люди. Но теперь Александр смотрел не на рынок. Он смотрел на Лили.

Она стояла рядом. Смотрела по сторонам - широко, как человек, который впервые видит что-то, о чём слышал.

- Это оно, - сказала она тихо. - Дверь в прошлое.

- Оно, - сказал Александр.

Она подняла руку, посмотрела на свою ладонь. Потом на людей.

- Они нас не видят.

- Не видят.

- А мы можем влиять.

- Можем. - Александр помолчал. - Только осторожно. Я уже один раз повлиял.

Она кивнула. Потом взяла его за руку.

- Идём.

***

Они прошли вглубь рынка. Лили смотрела на всё - на павильоны, на людей, на вывески. Она была не испугана. Она была сосредоточена. Как швея, которая разглядывает ткань перед тем, как резать.

- Куда идём? - спросила она.

- Не знаю, - сказал Александр. - Я хотел показать тебе прабабку. Она видит.

- Веди.

Они пошли к старому складу. Та была на месте - сидела на ящике, шила. Маленькая мать стояла рядом.

Лили остановилась в трёх шагах. Смотрела.

- Это она, - сказала она тихо.

- Да.

- А это... - Лили посмотрела на девочку. - Твоя мать?

- Да.

Лили, помолчав, сказала:

- Она была красивая.

- Была, - сказал Александр.

Прабабка подняла голову. Посмотрела на них - сначала на Александра, потом на Лили.

- А, - сказала она. - Свидетель.

Лили вздрогнула.

- Вы меня видите?

- Вижу, - сказала женщина. - Я всех вижу, кто из будущего. - Она усмехнулась. - Садись, девонька, в ногах правды нет.

Лили посмотрела на Александра. Он кивнул.

Она села на ящик рядом со старухой. Маленькая мать смотрела на них - не видя, просто в ту сторону, - и что-то спрашивала.

- Она не видит, - сказала женщина. - Она не смотритель. Она просто девочка. Пока что.

- Что значит «пока что»? - спросил Александр.

Прабабка посмотрела на него.

- Значит, что она станет смотрителем, потом, когда вырастет. - Она помолчала. - И будет держать шов одна. Потому что ты не научишься. Потому что тебя не научат.

Александр молчал.

- Я не могу это изменить? - спросил он.

- Можешь, - сказала прабабка. - Только не так, как ты думаешь. - Она посмотрела на Лили. - Теперь ты, девонька. Ты зачем пришла?

- Держать, - сказала Лили.

- Держать, - повторила женщина. - Это хорошо. Только здесь держать трудно, здесь всё тянет. - Она помолчала. - Ты чувствуешь?

Лили прислушалась к своим ощущениям:

- Чувствую, как будто... - она поискала слово, - ...как будто я стою на краю, и меня тянет вниз.

- Тянет, - согласилась прабабка. - Это рана. Она голодная. Она хочет, чтобы её лечили, или чтобы её ели.

Александр шагнул вперёд.

- Что это значит?

- Это значит, что ты не должен стоять долго. Ни ты, ни она. Чем дольше стоишь - тем больше теряешь. - Она посмотрела на Лили. - Ты уже теряешь.

Лили побледнела.

- Я... - она замолчала. Потом сказала: - Я не помню, зачем мы сюда пришли.

Александр обернулся.

- Лили.

Она смотрела на него - растерянно.

- Я помню, что мы вошли, помню, что хотели что-то найти. А что - не помню.

Старая женщина встала.

- Уходите, - отрывисто сказала она. - Немедленно. Оба.

***

Александр схватил Лили за руку и потянул к двери. Она шла - медленно, оглядываясь, как будто что-то забыла.

- Лили, - сказал он. - Не оглядывайся, просто иди.

- Я... - она замолчала, поискав слово: - Я не помню, как мы вошли.

- Я помню. Иди за мной.

Он тащил её к двери. Люди проходили мимо, не глядя. Комаровка жила своей жизнью.

У двери он обернулся.

- Иди, - сказала она. - И не возвращайся без нужды. Рана не любит гостей.

Александр шагнул за порог. Лили - за ним.

Дверь закрылась.

***

Они стояли на Комаровке - в настоящем, в марте, в полдень. Лили держалась за его руку, и лицо её было бледное.

- Саш, - сказала она. - Что это было?

- Ты потеряла память, - сказал он. - Внутри. Ты забыла, зачем мы пришли.

Она смотрела на него.

- А сейчас? - спросила она. - Сейчас я помню?

- Что ты помнишь?

Она подумала.

- Я помню, что мы вошли. Помню прабабку, помню, что она сказала: «Рана не любит гостей». А что было до этого - как мы вошли, зачем - не помню.

Александр молчал.

- Саш, - сказала она. - Это я забыла, не ты. - Она смотрела на него, и в глазах было что-то новое - страх. - Я думала, что буду помнить за тебя, а теперь я тоже теряю.

Он взял её за обе руки.

- Тогда мы будем помнить друг за друга, - сказал он. - Ты - за меня, а я - за тебя.

Она усмехнулась - слабо.

- Это как? Мы же оба теряем.

- Значит, будем записывать, - сказал он. - Как ты сказала, в блокнот, всё, что помним. И читать друг другу.

Она посмотрела на него.

- Ты серьёзно?

- Серьёзно, - сказал он. - Я больше не хочу терять. Ни тебя, ни себя.

Она молчала. Потом подняла на него глаза:

- Хорошо, будем писать в блокнот.

***

Они пошли в мастерскую. Лили села за стол, достала свой блокнот, и открыла на первой странице.

- Пиши, - сказала она.

- Что?

- Всё. С самого начала. Про дверь. Про шов. Про то, что мы теряем. - Она помолчала. - Если мы забудем - прочитаем. Если прочитаем и не вспомним - прочитаем ещё раз, пока не вспомним.

Александр взял ручку.

- Это будет долго, - сказал он.

- Ничего, - ответила Лили. - У нас есть время. Пока есть.

Он начал писать.

Глава 6. Сделка с куратором

Куратор позвонил через три дня.

- Александр Сергеевич, вы решили?

Александр стоял в мастерской у окна. Лили сидела за машинкой, шила - но слушала.

- Я решил, - сказал он. - Одну правку и не больше.

Пауза.

- Одну, - сказал куратор. - Хорошо, какую?

- Татьяна. Бабушка Лили. - Александр помолчал. - Вы сказали, что можно подтолкнуть события, чтобы врач пришёл раньше.

- Можно, - сказал куратор. - Но это не одна правка, Александр Сергеевич. Это цепочка. Подтолкнуть врача - значит подтолкнуть того, кто его вызвал. Подтолкнуть того, кто вызвал, - значит изменить его день. Цепочка.

- Сколько звеньев?

- Два, может, три. - Пауза. - Я скажу, что делать - вы сделаете. По шагам.

Александр посмотрел на Лили. Она смотрела на него - тревожно.

- Хорошо, - сказал он.

- Приезжайте, - сказал куратор. - Сегодня, кафе "***". Я всё объясню.

Положил трубку.

***

Лили отложила шитьё.

- Ты согласился.

- Согласился.

- Саш, - сказала она. - Я не просила.

- Знаю.

- Я не хочу, чтобы ты рисковал ради моей бабушки.

- Я не ради бабушки, - сказал он. - Я ради тебя. - Он подошёл, сел рядом. - Ты потеряла память, там, за дверью. Я видел, как ты смотрела - растерянно, как будто что-то вырвали, а я не хочу, чтобы ты теряла. А если куратор прав - если можно исправить - то, может, и с памятью можно что-то сделать.

Лили молчала.

- Это сделка с куратором, - сказала она. - Он не благодетель. Он что-то хочет взамен.

- Знаю. - Александр помолчал. - Но он сказал: одна правка. Я дам ему одну и посмотрю, что будет.

- А если он обманет?

- Тогда я разорву сделку.

Лили посмотрела на него.

- Как?

- Не знаю, - сказал он честно. - Но разорву.

Она вздохнула.

- Ладно, но я иду с тобой. Снаружи, буду держать.

- Хорошо.

***

В кафе куратор ждал их двоих. Увидев Лили, он поднял бровь, но не сказал ничего.

- Присаживайтесь, - сказал он.

Они сели. Куратор достал из портфеля папку - тонкую, с несколькими листами.

- Татьяна Ивановна ********, - сказал он. - Умерла три года назад от воспаления лёгких. Врач пришёл поздно - на третий день. Если бы пришёл на первый - выжила бы. - Он посмотрел на Лили. - Вы знали?

- Знала, - сказала Лили тихо.

- Хорошо. - Куратор открыл папку. - Ваша задача - не врач. Врача вы не найдёте, он в другом районе. Ваша задача - тот, кто мог его вызвать, соседка. Она была дома, но не подумала. Если бы подумала - вызвала бы раньше. - Он достал лист со схемой. - Соседка - женщина шестидесяти лет, в тот день была занята. Её что-то отвлекло. - Пауза. - Ваша задача - убрать отвлечение. Одно небольшое движение.

- Какое? - спросил Александр.

- В тот день у неё сломалась газовая плита, и она ждала мастера. Мастер же не пришёл - застрял в пробке. Она злилась, и забыла про Татьяну. - Куратор посмотрел на Александра. - Вы войдёте в прошлое, найдёте машину мастера, небольшое вмешательство - и он не застрянет и придёт вовремя, соседка не будет злиться, вспомнит про Татьяну и вызовет врача. Цепочка.

Александр смотрел на схему.

- Это не одна правка, - сказал он.

- Это одна цепочка, - сказал куратор. - Одно вмешательство. Остальное - следствие.

Лили молчала. Смотрела на схему.

- Саш, - тихо сказала она. - Это опасно.

- Я знаю.

- Не в смысле «потеряешь память». В смысле - ты меняешь прошлое. Соседка. Мастер. Кто-то ещё. Всё, что было, - станет другим.

- Я знаю, - сказал Александр.

Он посмотрел на куратора.

- Где машина?

***

Он вошёл в прошлое один. Лили держала снаружи - но на этот раз он шёл делать, не смотреть.

Комаровка была другая - тот же год, что и Татьяна. Александр нашёл улицу, которую описал куратор, дом, машину - старый «Фольксваген», припаркованный у обочины. Внутри сидел мастер - мужчина в кепке, курил и смотрел на часы.

Александр подошёл и посмотрел на машину.

Что он мог? Небольшое вмешательство, убрать препятствие. Как-то подтолкнуть.

Он посмотрел на дорогу впереди. Там была пробка - не сильно, но достаточно много машин стояло без движения. Грузовик, застрявший на повороте. Если бы грузовик не застрял - мастер проехал бы.

Александр подошёл к грузовику. Водитель стоял рядом, чесал затылок, смотрел на колесо.

Молодой человек посмотрел на колесо, потом на водителя.

Он мог толкнуть, как статуэтку, не сильно, просто, чтобы колесо провернулось.

Он нажал - не рукой, чем-то другим. Тем, что позволяло влиять.

Колесо дёрнулось. Водитель обернулся и посмотрел. Пожал плечами, сел в кабину и завёл грузовик. Мастер в «Фольксвагене» посмотрел на дорогу, затем тоже завёл двигатель и поехал.

Александр стоял и смотрел, как машина уезжает.

***

Он вышел через минуту. Лили держала его за руку.

- Получилось? - спросила она.

- Получилось, - сказал он.

Они пошли домой. По дороге Александр молчал.

- Что? - спросила Лили.

- Ничего, - сказал он. - Просто... я не знаю, что изменилось.

***

Они узнали через два дня.

Лили сидела в мастерской, шила. Александр был рядом - читал блокнот, который они начали - всё, что помнили.

Зазвонил телефон. Лили посмотрела на номер.

- Бабушка, - сказала она тихо.

Александр поднял голову.

- Что?

- Это бабушкин номер. - Она смотрела на телефон. - Он отключён три года, но он звонит! У нас получилось?

Она взяла трубку.

- Алло?

Лили резко побледнела.

- Бабушка? - сказала она. Голос был тонкий, как нитка. - Бабушка, это ты?

Александр смотрел на неё.

Лили слушала, долго. Потом сказала:

- Да. Да, я помню. Я приеду сегодня.

Положила трубку и посмотрела на Александра.

- Она жива, - сказала она. - Она звонила, спрашивала, как я. Сказала, что соскучилась.

Александр молчал.

- Саш, - сказала Лили. - Ты понимаешь, что это значит?

- Понимаю, - сказал он.

- Она жива. - Лили смотрела на него, и в глазах было что-то, чего он не видел раньше - надежда. - Ты её спас.

Александр подошёл и сел рядом.

- Лили, - сказал он. - Я не знаю, что ещё изменилось. Я не знаю, что мы изменили. - Он помолчал. - Татьяна жива и это хорошо. Но цепочка - она длинная. Может быть, что-то ещё... другое.

Лили посмотрела на него.

- Что, например?

- Не знаю, - сказал он. - Но мы должны проверить.

***

Он проверил вечером. Позвонил куратору.

- Татьяна жива, - сказал он.

- Знаю, - сказал куратор. - Я в курсе.

- Что ещё изменилось?

Пауза.

- Пока ничего значительного, - сказал куратор. - Мелкие сдвиги. Люди, которые не встретились. Разговоры, которые не состоялись. - Он помолчал. - Один человек не уехал из Минска, другой уехал. Это нормально. Цепочка всегда даёт побочные эффекты.

- Какие?

- Незначительные, - сказал куратор. - Пока незначительные.

Александр положил трубку.

«Пока».

Он посмотрел на Лили. Она собиралась к бабушке - впервые за три года, лицо было живое, глаза горели.

- Саш, - вопросительно сказала она. - Поедем со мной?

Он посмотрел на неё.
- Поедем, - сказал он.

Глава 7. Потеря

Татьяна жила в маленькой квартире на первом этаже - той самой, где Лили провела половину детства. Александр стоял в дверях, пока Лили обнимала бабушку. Старуха была худая, седая, с цепкими глазами. Она посмотрела на Александра поверх плеча Лили - долго, внимательно.

- Это он? - спросила она.

- Он, - сказала Лили.

- Весь в мать.

Александр не знал, что сказать. Он просто стоял.

- Заходите, - сказала Татьяна. - Чай пить, не в дверях же стоять.

***

Они пили чай на кухне. Татьяна говорила - о Лили, о её детстве, о том, как та помогала ей с заказами. Та смеялась. Александр смотрел на них и думал: это я сделал, это я вернул её. Или это дверь вернула. Или куратор.

Он не знал, чья это заслуга. Но Татьяна была жива. И Лили была счастлива.

Потом женщина посмотрела на него.

- А ты, - сказала она. - Ты как?

- Нормально, - сказал он.

- Нормально, - повторила Татьяна. - Это слово для отчёта, а не для человека. - Она помолчала. - Ты плохо выглядишь, бледный, как будто что-то потерял.

Александр посмотрел на неё.

- Может, и потерял, - сказал он.

Татьяна кивнула, как будто ожидала.

- Дверь, - утвердительно сказала она. Не спросила.

Лили замерла.

- Бабушка...

- Я знаю про дверь, - сказала Тамара. - Я её видела, давно, лишь один раз. - Она посмотрела на Александра. - Ты входил и больше одного раза.

- Входил.

- И что потерял?

Александр задумался и ответил:

- Целый разговор с куратором. Не помню, о чём говорили.

- А ещё?

Он подумал.

- Мелочи. Кто-то из коллег. Кто-то из прошлого. Я не замечал, пока Лили не начала записывать.

Татьяна вздохнула.

- Дверь забирает, - сказала она. - Не всё сразу, а по кусочку. Сначала то, что связано с дверью. Потом то, что рядом. Потом...

- Потом что? - спросил Александр.

- Потом то, что ты есть, - сказала женщина. - Дверь не различает. Она голодная. Она хочет, чтобы её лечили, а не чтобы её использовали. - Она помолчала. - Ты её используешь и она это чувствует.

Александр молчал.

- Бабушка, - сказала Лили. - Мы не используем. Мы...

- Вы правите, - сказала она. - Я знаю. Меня-то вы уже поправили.

Тишина была долгой.

- Бабушка, - сказала Лили тихо. - Что ты помнишь?

Татьяна посмотрела на неё.

- Я помню, что болела, - сказала она. - Сильно. Я помню, как ты приходила. Помню, как врач... - Она замолчала. - Не помню врача и не помню, как выздоровела. Помню, что было плохо - и вдруг стало хорошо. Как будто что-то перескочило.

Лили побледнела.

- Бабушка...

- Не надо, - сказала та. - Я не жалуюсь. Я жива и это хорошо. - Она посмотрела на Александра. - Но я чувствую, что что-то не так. Как будто я не должна быть здесь, словно я - лишняя.

Александр смотрел на неё.

- Простите, - сказал он.

- Не проси прощения, - сказала Татьяна. - Прощение - для тех, кто знает, что сделал. А ты не знаешь. - Она помолчала. - Ты вообще много не знаешь. Ты теряешь.

***

Домой они шли молча. Лили держала его за руку - крепко.

- Саш, - сказала она.

- Да?

- Бабушка права. Ты теряешь.

- Я знаю.

- Ты теряешь себя. - Она остановилась и повернула его к себе. - Ты помнишь, что мы ели вчера?

Он задумался.

- Суп, - сказал он. - Кажется.

- Не кажется, - сказала Лили. - Мы ели суп. Ты помнишь, какой?

Он молчал.

- Саш. - Голос был тихий, но твёрдый. - Ты забываешь меня. Не только куратора и не только имена. Ты забываешь то, что было с нами.

Он посмотрел на неё.

- Я помню тебя, - сказал он.

- Помнишь сейчас. А через месяц?

Он молчал.

- Саш, - сказала Лили. - Я не хочу тебя терять.

- Я не теряюсь, - сказал он. - Я нахожусь.

Она посмотрела на него.

- Что?

- Я нахожусь, - повторил он. - Я годами был коркой и ничего не чувствовал. Ничего не помнил - потому что нечего было помнить. А теперь... - он поискал слово. - Теперь я есть, даже если забываю, даже если теряю. Это лучше, чем было.

Лили смотрела на него долго.

- Ты правда так думаешь?

- Правда.

Она вздохнула и взяла его под руку.

- Ладно, - сказала она. - Тогда будем терять вместе. Но будем записывать абсолютно всё - каждый день, каждую мелочь. Чтобы было что вспомнить.

- Хорошо, - улыбнулся он.

***

Они вернулись в мастерскую. Лили достала блокнот - уже почти заполненный и открыла новую страницу.

- Пиши, - сказала она. - Весь сегодняшний день, всё, что помнишь.

Александр взял ручку.

Он писал медленно. Про старую женщину, про чай. Про то, как она сказала: «Ты - лишняя». Про то, как Лили держала его за руку.

Когда он закончил, девушка прочитала.

- Ты забыл одну вещь.

- Какую?

- Бабушка сказала: «Дверь хочет, чтобы её лечили, а не чтобы её использовали». - Лили посмотрела на него. - Ты не записал.

Александр посмотрел на блокнот.

- Я не помню, - признался он.

Тишина.

- Ладно, - сказала Лили. - Я запишу. - Она взяла ручку. - А ты запомни: если я записываю за тебя - это не значит, что ты не помнишь. Это значит, что я помню. И этого достаточно.

Он посмотрел на неё.

- Спасибо.

- Не благодари, - сказала она. Но в голосе было тепло.

Глава 8. Куратор давит

Куратор позвонил через неделю.

- Александр Сергеевич, надо поговорить.

- О чём?

- О следующей правке.

Александр стоял в мастерской. Лили сидела за машинкой - шила, но услышав слова куратора, резко подняла голову.

- Я же вам сказал еще при первой беседе: лишь одна правка, - с нажимом сказал Александр.

- Я помню, что вы сказали, Александр Сергеевич, но, к сожалению, обстоятельства изменились.

- Какие обстоятельства?

- Не по телефону, - отрезал куратор. - Приезжайте.

Положил трубку.

***

В кафе куратор был не один. За столиком рядом сидел мужчина - молодой, в костюме, с папкой. Куратор кивнул ему, и тот вышел.

- Кто это? - спросил Александр.

- Мой... - куратор подобрал слово, - ...коллега, из другого ведомства. - Он помолчал. - Он знает про дверь.

- И?

- И он хочет её использовать по-своему. - Куратор посмотрел на Александра. - Я его сдерживаю. Пока.

Александр сел.

- Что вы хотите?

- Ещё правки, - сказал куратор. - Не одну, несколько. - Он поднял руку, предупреждая возражение. - Не для меня лично. Для города. Есть вещи, которые случились и не должны были - аварии, болезни, смерти. - Он помолчал. - Вы можете их исправить.

- Вы говорили, что я опасен, - сказал Александр. - Помните? Вывод, который вы сделали. Вы сказали, что я опасен для системы.

Куратор посмотрел на него.

- Помню. Я говорил это до того, как понял, что вы полезны. Это разные вещи.

- Что изменилось?

- Вы спасли Татьяну Ивановну, - сказал куратор. - Тихо и без последствий. Цепочка сработала. - Он подался вперёд. - Вы осторожны и вы умеете. Вы смотритель. Настоящий.

Александр молчал.

- Я не могу, - сказал он. - Я теряю память. С каждой правкой - всё больше и больше.

- Я знаю, - сказал куратор.

- И вам всё равно?

- Мне не всё равно, - сказал куратор. - Но есть вещи важнее всего одной памяти. - Он помолчал. - Вы спасли человека. Вы вернули бабушку вашей Лили. Разве это не стоит того?

Александр смотрел на него.

- Вы играете на мне, - сказал он. - Опять.

- Я предлагаю, - сказал куратор. - Я не приказываю. Но если вы откажетесь - мой коллега войдёт сам. Правда, он не смотритель, и он не будет так осторожен. Он сделает хуже.

- Это угроза?

- Это факт, - сказал куратор. - Я не угрожаю, я лишь информирую.

Александр встал.

- Я подумаю.

- Думайте, - сказал куратор. - Но недолго. - Он тоже встал. - И ещё. Ваша Лили, она ведь тоже входит, как свидетель. Она тоже теряет, вы знали?

Александр замер.

- Она сказала, что потеряла память один раз.

- Один раз очевидный, - сказал куратор. - А сколько раз она не заметила? - Он помолчал. - Спросите её, что она помнит из детства. Что помнит о матери. О бабушке - до болезни. Поверьте, вы можете очень неприятно удивиться.

Александр вышел из кафе, не попрощавшись.

***

Лили была в мастерской и шила. Лишь подняла голову, когда он вошёл.

- Ты какой-то не такой, - сказала она. - Что случилось?

Он сел напротив.

- Лили. Что ты помнишь из детства?

Она посмотрела на него.

- В смысле?

- В прямом. Что помнишь? До того, как бабушка заболела.

Она задумалась.

- Я помню... двор, качели. Помню, как бабушка учила меня шить. Я помню машинку, чёрную, с золотом, похожую на мою - я специально потом подбирала.

- А мать? - спросил Александр. - Что ты помнишь о матери?

Лили замолчала, потом опустила голову.

- Я... - она смотрела в стол. - Я не помню.

- Совсем?

- Совсем. - Она подняла глаза. - Я знаю, что она была, знаю, что она уехала. Мне бабушка говорила. Но чтобы сказать, что я помню - этого нет. Я думала, это потому что я маленькая была, когда она уехала.

Александр молчал.

- Саш, - сказала Лили. - Что происходит?

- Куратор сказал, что ты тоже теряешь, - сказал он. - Не только я.

Лили побледнела.

- Он сказал?

- Сказал. - Александр помолчал. - И, кажется, он прав.

Лили смотрела на него.

- Я теряю детство, - сказала она тихо. - Я теряю мать. Теряю себя.

- Я знаю.

- И ты продолжаешь входить?

- Я не хочу, - сказал Александр. - Но куратор давит. Он говорит, что если я откажусь - войдёт кто-то другой, неосторожный.

- И ты веришь ему?

Александр помолчал.

- Не знаю, - сказал он. - Может, он блефует, а может, и нет.

Лили встала и подошла к окну.

- Саш, - сказала она. - Я не могу так. Я не могу терять бабушку, терять мать. Терять себя. - Она обернулась. - Мы должны остановиться.

- Куратор не даст.

- Тогда мы закроем дверь, - сказала она. - Совсем. Как шов закрыли. Чтобы никто не вошёл, ни он, ни его коллега. Ни мы.

Александр смотрел на неё.

- Ты знаешь, как?

- Нет, - сказала она. - Но твоя прабабушка знала. Она сказала: «Рана не любит гостей». Значит, её можно закрыть, как рану.

Александр молчал.

- Завтра, - сказала Лили. - Мы идём к двери, входим и закрываем.

- Это опасно.

- Я знаю.

- Мы можем не вернуться.

- Знаю.

Он посмотрел на неё. На рыжие волосы, на руки, которые шили, на лицо, которое он помнил - пока помнил.

- Хорошо, - сказал он. - Завтра.

Глава 9. Правда о двери

Они вошли вдвоём.

Комаровка была та же - серый свет, пасмурное небо. Но теперь Александр знал, куда идти. Прабабка всё так же сидела на ящике у старого склада, только маленькой матери рядом не было.

- Пришли, - сказала старая женщина тяжелым голосом. Не спросила. - Садитесь.

Они сели. Лили держала Александра за руку.

- Вы хотите закрыть дверь, - сказала прабабка.

- Хотим, - сказал Александр.

- Хорошо. - Прабабка отложила шитьё. - Тогда слушайте, я скажу один раз. - Она посмотрела на них. - Дверь - это рана шва. Когда шов зашили, остался шрам. Он открылся, и стал входом.

- В прошлое, - сказал Александр.

- В своё прошлое, - сказала прабабка. - Не в любое. В то, которое связано со швом, с семьёй, с вами. - Пауза. - Дверь не машина времени. Дверь - это рана, которая помнит, и которая хочет, чтобы её лечили.

- Как её закрыть? - спросила Лили.

Женщина посмотрела на неё.

- Рану закрывают швом, - сказала она. - Но шов здесь не такой, как на стене. Здесь шов - это свидетель, тот, кто держит. - Она помолчала. - Когда вы входите вдвоём - рана чувствует. Она чувствует, что её видят, и она хочет, чтобы её видели. Поэтому она вас и тянет.

- Тянет, - сказала Лили. - Мы чувствовали.

- Чувствовали, - согласилась прабабка. - И будет тянуть сильнее, потому что вы близко. - Она посмотрела на Александра. - Ты хочешь закрыть. Но закрыть можно только изнутри. Снаружи - не зашьёшь.

- Изнутри, - повторил Александр. - Как?

- Ты должен сказать ей, - сказала прабабка. - Ране, что ты её видишь, что ты её слышишь, что ты её не бросишь. И тогда она закроется, сама. Потому что рана, которую видят, не гноится.

Александр молчал.

- А если не сказать? - спросила Лили.

- Тогда она будет тянуть, - сказала прабабка. - Пока не вытянет всё. Память. Себя. Вас. - Она помолчала. - Рана голодная, не злая. Она просто не хочет быть одна.

Александр посмотрел на Лили. Потом на старуху.

- Вы говорите «ты должен сказать». А свидетель? Что делает свидетель?

Прабабушка улыбнулась - впервые.

- Свидетель держится, - сказала она. - Когда ты говоришь - ты не один. Ты говоришь вместе со свидетелем, ведь свидетель - это не просто тот, кто стоит рядом. Это тот, кто вместе с тобой. Понимаешь?

Александр кивнул.

- И ещё, - сказала прабабка. - Вам нельзя долго. Вы уже бледные. - Она посмотрела на Лили. - Ты теряешь больше, чем он потому, что ты держишь. Держать - это тоже отдавать.

Лили побледнела.

- Я знаю, - сказала она.

- Тогда идите, - сказала прабабка. - И не возвращайтесь, никогда. - Она помолчала. - Я серьёзно. Если закроете - дверь исчезнет, вместе со мной. Вместе со всем, что здесь есть. - Она посмотрела на Александра. - Ты больше не увидишь мать. Ни молодую, ни старую. Никакую.

Александр молчал.

- Ты готов? - спросила прабабка.

Он посмотрел на неё. Потом на Лили.

- Готов, - решительно сказал он.

***

Они вышли. Лили держалась за его руку.

- Саш, - сказала она. - Ты слышал? Она сказала: «Свидетель - это тот, кто вместе».

- Слышал.

- Это значит, что я должна быть рядом. Не снаружи. Вместе.

- Да.

Она помолчала.

- Я боюсь, - сказала она. - Нет, не двери, а того, что я потеряю. Я уже потеряла мать и детство и не хочу теперь потерять еще и тебя.

Александр остановился и повернул её к себе.

- Лили, - сказал он. - Я не могу обещать, что не потеряю. Я теряю, и ты теряешь. Но пока мы помним друг друга - мы не потеряемся. - Он помолчал. - Блокнот тот же. Мы записываем, читаем и помним.

Она посмотрела на него.

- Это работает? - спросила она.

- Не знаю, - ответил он честно. - Но другого способа нет.

Она усмехнулась - слабо.

- Ладно, - сказала она. - Завтра входим и закрываем.

- Завтра, - согласился он.

***

Вечером он сидел в мастерской и писал в блокнот всё, что было за день. Прабабку, её слова. Про рану и про свидетеля.

Лили сидела рядом. Шила и просто молчала.

Потом сказала:

- Саш.

- Да?

- Я хочу, чтобы ты знал. - Она отложила шитьё. - Если завтра что-то пойдёт не так... если мы не вернёмся... - Она помолчала. - Я рада, что ты вернулся, тогда. В мою жизнь. Даже если это было через дверь. Даже если ты забываешь. Я правда рада.

Александр посмотрел на неё.

- Лили.

- Да?

- Я тоже, - сказал он. - Я рад, что ты рядом, даже если я забываю. Даже если теряю. - Он затих, но потом твердо и уверенно продолжил. - Ты - то, что я не хочу терять, больше всего на свете.

Она посмотрела на него, долго. Потом встала, подошла, и села рядом.

- Саша, - позвала она тихо.

Он поднял на неё взгляд, увидел ее глаза так близко, как не видел уже давным-давно, мягко подался к ней и нежно поцеловал, увлекая за собой.

Глава 10. Выбор

Утром они не пошли к двери сразу.

Сначала Александр позвонил на работу - сказал, что берёт отпуск. Начальник, конечно, что-то говорил про «сроки» и «клиентов», но Александр слушал вполуха. Потом сказал: «Я вернусь» - и положил трубку.

Лили закрыла мастерскую и повесила на дверь табличку: «Технический перерыв. Скоро вернусь». Посмотрела на неё, потом сказала:

- Может, и не скоро.

- Вернёмся, - сказал Александр.

Она не ответила.

Они сели за стол. Лили достала блокнот - уже почти заполненный, и открыла последнюю страницу.

- Давай запишем, - сказала она. - Всё, что помним. Чтобы если...

- Чтобы если, - согласился Александр.

Они писали больше часа - про дверь, про шов, про прабабку, про Татьяну. Про то, как Лили ушла много лет назад и про то, как вернулась. Про то, что было между ними - и чего ещё не было.

Когда закончили, Лили закрыла блокнот.

- Всё, - твердо сказала она. - Теперь можно.

***

К двери они пришли в полдень. У павильона уже стоял куратор. Он был один - в сером неизменном пальто, руки в карманах. Смотрел на них без выражения.

- Я знал, что вы придёте, - тихо сказал он.

- Зачем вы здесь? - спросил Александр.

- Помешать, - сказал куратор. - Или помочь. Зависит от того, как вы посмотрите. - Он помолчал. - Вы хотите закрыть дверь, но это будет ваша грандиозная ошибка.

- Почему?

- Потому что дверь - это возможность, - сказал куратор. - Единственная. Вы закроете - и больше не будет, никогда. А сколько людей можно спасти? Сколько смертей исправить? - Он посмотрел на Лили. - Ваша бабушка жива. Вы хотите это отменить?

- Я хочу, чтобы она была жива по-настоящему, - сказала Лили. - Не потому что кто-то поправил прошлое. - Она помолчала. - Она чувствует, что она лишняя. Это не жизнь.

Куратор посмотрел на неё.

- Она жива, - сказал он. - Это больше, чем было.

- Это меньше, - возразила Лили. - Это не её жизнь.

Куратор помолчал. Потом посмотрел на Александра.

- Вы уверены? - спросил он. - Вы потеряете память. И ладно если только вы - она ведь тоже. Вы закроете дверь - но не вернёте того, что уже потеряли. Это останется.

- Знаю, - сказал Александр.

- И всё равно закроете?

- Закрою.

Куратор смотрел на него долго. Потом отступил в сторону.

- Что ж, - сказал он. - Попробуйте. Но учтите: если вы не вернётесь - дверь останется. И тогда я найду другого смотрителя, не такого осторожного. - Он помолчал. - И повторю вновь - я не угрожаю. Я лишь информирую.

Александр не ответил.

Он достал ключ, вставил в замок и повернул.

Дверь открылась.

***

Они шагнули вдвоём.

Комаровка была та же - серый свет и пасмурное небо, а вокруг - та же легкая дымка, которую, казалось бы, может развеять легкий ветерок, но которая была одновременно с тем такой тяжелой и непроглядной.

Но на этот раз что-то было иначе. Воздух был плотнее. Как будто рана чувствовала, что они пришли не смотреть, а закрывать.

Лили держала его за руку - крепко.

- Куда? - спросила она.

- К прабабке, - сказал Александр. - Она сказала: закрыть можно только изнутри. Значит, надо найти место, где рана. Где шов.

Они пошли вглубь рынка, мимо павильонов, мимо людей. Люди не смотрели. Люди не видели.

Прабабка ждала их у старого склада. Она стояла - не сидела и смотрела на них.

- Пришли, - сказала она. - Хорошо. Рана ждёт и она чувствует вас. Идите к середине. Там, где было тонко. Там, где шов. - Она посмотрела на Александра. - Ты знаешь, где это.

Александр кивнул.

- А вы? - спросил он. - Вы пойдёте?

Прабабка усмехнулась.

- Я - рана, - сказала она. - Я не пойду. Когда закроете - я исчезну. Вместе со всем этим. - Она обвела рукой рынок. - Так надо, иначе не закроется.

Александр смотрел на неё.

- Спасибо тебе, - тепло сказал он.

- Не благодари, - сказала прабабка. - Просто закрой. - Она помолчала. - И помни: свидетель - это тот, кто вместе. Не отпускай её руку.

***

Они пошли к середине.

Комаровка менялась - чем дальше, тем тише. Люди исчезали. Павильоны бледнели. Воздух становился плотнее, как вода.

Лили крепко держала его за руку.

- Саш, - сказала она. - Я боюсь.

- Я тоже.

- Если мы не вернёмся...

- Вернёмся, - сказал он. - Я обещал.

- Ты не обещал.

- Обещаю сейчас.

Она посмотрела на него, а потом усмехнулась.

- Ладно, - сказала она. - Тогда идём.

***

Они дошли до середины. Здесь было пусто - ни людей, ни павильонов. Только брусчатка. И воздух - плотный, тяжёлый, как перед грозой.

Александр остановился.

- Здесь, - сказал он.

Лили встала рядом, не отпуская руку.

- Что теперь? - спросила она.

- Теперь я говорю, - сказал Александр. - А ты держишь.

Он посмотрел в пустоту перед собой, не в стену, не в дверь - в рану. Он чувствовал её. Она была здесь. Она ждала.

- Я тебя вижу, - шепотом сказал он. - Я тебя слышу.

Тишина.

- Я знаю, что ты голодная, - сказал он. - Я знаю, что ты не хочешь быть одна. Я знаю, что я тебя бросал, годами. Я ставил галочки и не слушал. Прости меня.

Воздух дрогнул.

- Я не брошу тебя, - сказал Александр. - Я закрою. Но не потому что ты - проблема. Потому что ты - рана, а раны надо лечить.

Тишина.

- Я здесь, - сказал он. - Я не один. - Он сжал руку Лили. - Она здесь, и она - свидетель. Она держит.

Лили шагнула вперёд.

- Я держу, - сказала она. - Я рядом, мы вместе.

Воздух задрожал сильнее.

И тогда Александр почувствовал, как что-то сильно тянет, будто вода затягивает в воронку.

- Лили, - прошептал он. - Держи крепче.

- Держу, - сказала она.

Он закрыл глаза.

Глава 11. Дверь

Тянуло сильно.

Александр стоял на брусчатке, держал Лили за руку и чувствовал, как его всасывает. Не физически - иначе, будто из него вытягивают что-то длинное, тонкое, живое. Память. Себя. Всё, что он успел нарастить за эти месяцы.

- Саша! - голос Лили был близко, но звучал глухо, как через воду. - Не отпускай!

- Не отпускаю, - ответил он.

Он открыл глаза. Комаровка исчезла. Вокруг была пустота - серая, ровная, без края, ни неба, ни земли. Только он, Лили и то, что тянуло.

- Говори, - сказала Лили. - Ты должен говорить, не молчи!

Александр кивнул, и заговорил.

- Я тебя вижу, - сказал он в пустоту. - Я знаю, что ты здесь, знаю, что ты голодная. Я знаю, что тебе больно.

Пустота дрогнула, а тянуть стало еще сильнее.

- Я не брошу тебя, - сказал он. - Я не уйду, обещаю, я останусь. Но не так, как раньше, не по процедуре, не с блокнотом. - Он помолчал. - Я буду приходить. Не для того, чтобы ставить галочки, а для того, чтобы быть.

Лили сжала его руку.

- Я здесь, - сказала она в пустоту. - Я держу, я с тобой.

Тянуть стало слабее.

Александр почувствовал, как что-то в нём отпускает. Не память - наоборот. Как будто он перестал держаться за что-то, что держал годами. За страх. За корку. За одиночество.

- Я не один, - сказал он. - Я давно не один. Я просто не замечал.

Пустота вздохнула.

Не звуком - чем-то другим. Как будто огромное существо, которое долго сдерживалось, наконец выдохнуло.

И тогда Александр почувствовал, как его руку отпускают.

Не Лили - рана. Тянуть перестало совсем.

Он открыл глаза. Комаровка вернулась - но другая. Бледная, тихая, как выцветшая фотография. Людей не было, павильоны стояли пустые. Небо было серым, но не пасмурным - пустым.

- Получилось? - спросила Лили.

Он посмотрел на неё. Она была бледная, под глазами тени. Но стояла и продолжала держать.

- Не знаю, - сказал он. - Кажется, да.

Они пошли к двери. Комаровка исчезала за спиной - тихо, без звука, как стирается рисунок ластиком. Павильоны, брусчатка, небо - всё бледнело.

У двери стояла прабабка. Она была прозрачная - почти.

- Закрыли, - сказала она. Не спросила. - Хорошо.

- Вы... - начал Александр.

- Исчезаю, - сказала прабабка. - Так надо. - Она посмотрела на него. - Ты сделал, что должен, хоть не идеально, но сделал. Я горжусь тобой, внук.

Александр усмехнулся.

- Спасибо, - поблагодарил он.

Прабабка посмотрела на Лили.

- Ты, девонька. Держи его крепко. Он у тебя дурак, конечно, но не плохой.

- Держу, - улыбнулась Лили.

Прабабка кивнула, а потом растаяла, как и все, что было вокруг неё.

Дверь стояла в пустоте, открытая. За ней был свет - другой, тёплый, живой.

- Идём, - сказал Александр.

Они шагнули.

***

Они вышли на Комаровку - в настоящем, в марте, в полдень. Снег шёл. Люди ходили. Павильоны работали. Обычный рынок и обычная жизнь.

Двери не было.

Александр стоял и смотрел на стену павильона. Гладкая, обычная, без двери.

- Её нет, - сказала Лили.

- Нет, - ответил ей он.

Он достал ключ от двери, тот самый, латунный, с трилистником. Уже холодный.

- Остыл, - сообщил он.

Лили посмотрела на ключ, потом на него.

- Что теперь?

- Теперь, - сказал Александр, - мы помним.

***

Они пошли в мастерскую, по дороге молчали. Александр чувствовал, что чего-то не хватает - не памяти, чего-то другого. Как будто внутри было тише, чем должно быть.

- Лили, - сказал он. - Что мы делали вчера?

Она задумалась.

- Писали в блокнот, - сказала она. - Готовились.

- А до этого?

- Разговаривали. Помнишь, о чём?

Он посмотрел на неё.

- Не помню.

Она остановилась.

- Я тоже, - сказала она.

Они стояли на улице и смотрели друг на друга.

- Ладно, - сказала Лили. - Блокнот.

***

В мастерской они достали блокнот и открыли. Читали - долго, страница за страницей. Всё, что записали и всё, что помнили.

Александр читал и чувствовал, как что-то возвращается. Не всё, маленькими отрезками и кусочками. Как будто собираешь разбитую чашку - осколки есть, но трещины остаются.

- Я помню прабабку, - сказал он. - Смутно, как сквозь стекло.

- Я тоже, - сказала Лили. - Помню, что она была. Не помню лицо.

Александр закрыл блокнот.

- Мы потеряли, - сказал он.

- Потеряли, - согласилась Лили. - Но не всё. - Она посмотрела на него. - Мы помним друг друга, а это главное.

Он посмотрел на неё.

- Ты уверена?

- Нет, - сказала она честно. - Но я хочу помнить. А это уже что-то.

***

Вечером он позвонил куратору.

- Дверь закрыта, - сказал он.

- Совсем? - спросил куратор.

- Совсем. Её нет.

Ещё пауза.

- Что ж, - сказал куратор. - Это... не то, чего я хотел. Но это результат. - Он помолчал. - Вы понимаете, что теперь я не смогу вас защитить? Если что-то случится - вы просто человек, без функции.

- Я и был человеком, - сказал Александр. - Просто не знал.

Куратор помолчал.

- Удачи вам, человек, - сказал он с едва слышной усмешкой, и положил трубку.

Александр посмотрел на телефон, потом поднял взгляд на Лили.

- Он отступил, - произнес он.

- Пока, - поправила его Лили.

- Пока, - согласился он.

***

Ночью они сидели на кухне. Пили чай и просто молчали.

- Саш, - сказала Лили.

- Да?

- Ты помнишь, что я сказала вчера? Ну, тогда, до двери.

Он подумал.

- Ты сказала... - он запнулся. - Что рада, что я вернулся.

- Да, - сказала она. - Это я помню. А что я спросила?

Он посмотрел на неё.

- Ты спросила...

Лили усмехнулась.

- Ты помнишь.

- Помню.

Она отставила чашку и посмотрела на него.

- Саш.

- Да?

Он посмотрел на неё. На рыжие волосы, на усталое лицо, на руки, которые держали его - в прошлом, в настоящем, в пустоте. На глаза, ярким блеском озарявшие все вокруг, а главное, его жизнь.

И на губы, которые потянулись к нему.

Глава 12. Два блокнота

Прошло два месяца.

Март сменился апрелем - снег растаял, Комаровка высохла, брусчатка стала чистой. Александр ходил на работу, продавал, говорил с клиентами - но иначе, чем раньше. Не как с возражениями. Как с людьми.

Иногда он забывал имена, мелкие, случайные. Иногда - разговоры. Иногда - что ел вчера. Он всё записывал в блокнот каждый вечер - несколько строк - всё, что помнил.

Лили делала то же самое. Её блокнот лежал рядом с его - на полке в мастерской. Два блокнота. Две памяти. Одна на двоих.

***

Дверь не вернулась.

Александр ходил к павильону каждую неделю - смотрел на стену. Гладкая, обычная. Ни двери, ни трещины, ни следа.

Однажды он спросил Лили:

- А что, если она вернётся?

- Не вернётся, - сказала Лили. - Мы её закрыли, по-настоящему.

- А если?

Она помолчала.

- Тогда мы снова войдём, вместе, и снова закроем.

Он кивнул.

***

Куратор позвонил один раз - в апреле.

- Александр Сергеевич, приветствую. Как вы?

- Живу, - сказал Александр.

- Хорошо, очень рад это слышать. У меня к вам предложение.

- Какое?

- Работа. - Куратор помолчал. - Да, шов закрыт, двери нет. Но есть другие вещи. Другие места и другие раны. Мне нужен человек, который умеет видеть. Не просто ставить галочки, а видеть, словом, настоящий смотритель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.